Наглый друг моего брата

18+

Кира Си

Кира Си

Наглый друг моего брата

«Автор»
2026

Си К.

Наглый друг моего брата / К. Си — «Автор», 2026

Брат Киры уезжает на полгода и оставляет квартиру — и сестру — на попечение своего лучшего друга. Марк, профессиональный боец, въезжает без спроса и сразу ломает все её правила: ходит полуголым, занимает её пространство и открыто смеётся над железным самоконтролем.Кира уверена, что выдержит. Марк уверен, что заставит её сорваться.Их ссоры становятся всё ближе к коже. Прижатия к стенам, борьба за то, кто первый отступит, и ночи. Под маской правильной студентки Кира прячет жажду, которую больше не получается отрицать. А Марк обнаруживает, что провоцировать её легко — а отпустить уже нет.Вражда. Соседство. Территория, которую они делят — и которую ни один не хочет уступать.

© Си К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чемодан у двери 5
Глава 2. Правила дома 9
Глава 3. Завтрак без рубашки 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Наглый друг моего брата

Глава 1. Чемодан у двери

Утро пахло кофе и пылью от чемодана.

Кира стояла в прихожей босиком, прижимая к груди кружку, и смотрела, как брат в третий раз проверяет паспорт. Квартира была маленькая — бабушкина, двухкомнатная, с узким коридором и кухней, где двое уже мешали друг другу локтями. Они так и не разъехались. Он занимал дальнюю комнату, она — ту, что ближе к окну. Общими оставались стены, тишина и привычка не спрашивать лишнего.

— Ключи я оставил Марку, — сказал брат, не поднимая глаз. — На всякий случай. Если что-то с трубами, с замком… Он рядом.

— Мне не нужна нянька.

— Это не нянька. Это человек, у которого есть запасные ключи. Всё.

Он поцеловал её в макушку, как делал с тех пор, как ей было двенадцать, подхватил чемодан и вышел. Дверь хлопнула. В квартире стало слишком тихо.

Кира вымыла его кружку, поправила плед на диване и открыла ноутбук. До вечера она успела почти поверить, что полгода пройдут именно так: чертёжный стол, чай, закрытая дверь и никто, кто будет дышать в её пространстве.

Звонок раздался в начале десятого.

Она открыла, уже злая заранее — соседка иногда путала этажи. На пороге стоял Марк.

Сумка на плече, ключи в пальцах, чёрная футболка натянута на груди так, что ткань обозначала каждую мышцу. Он был выше, чем она помнила по редким появлениям в их кухне, шире в плечах, и смотрел на неё так, будто дверь открылась не перед ним, а для него.

— Привет, правильная, — сказал он. — Брат просил присмотреть.

— Присмотреть можно по телефону. Спокойной ночи.

Она попыталась закрыть дверь. Он поставил ногу в проём. Не грубо — просто так, что дерево упёрлось в кроссовок и остановилось.

— Ключи мне отдали не для телефона.

— Мне всё равно, что тебе отдали. Здесь живу я. Иди в гостиницу.

Марк посмотрел на неё сверху вниз. Медленно. От босых ступней к голым коленям, к домашним шортам, к тонкой майке, в которой без лифчика было слишком очевидно, что в квартире прохладно. Взгляд не был случайным. Он дал ей это почувствовать — и усмехнулся, когда она скрестила руки на груди.

— Поздно прикрываться. Я уже видел.

— Пошёл вон.

— Нет.

Он шагнул внутрь. Плечо задело её плечо. Запах ударил сразу: кожа, улица, что-то тёплое и мужское, от чего в низу живота против воли стянуло. Кира отступила на шаг и возненавидела себя за этот шаг.

Марк прошёл по коридору так, будто знал квартиру лучше неё. Бросил сумку на пол в комнате брата. Молния звякнула. Он оглядел кровать, шкаф, пустую вешалку.

— Сойдёт.

— Это не гостиница. Это его комната. И ты здесь не останешься.

— Уже остался.

Он стянул футболку через голову одним движением и кинул её на спинку стула.

Кира должна была отвернуться. Не отвернулась.

Спина у него была сухая, сведенная тренировками, по лопатке шёл тонкий белый шрам. Живот — не картинка из журнала, а рабочий: мышцы собирались, когда он дышал, кожа чуть блестела после улицы. Он поймал её взгляд и не отпустил.

— Нравится? Можешь смотреть. Я не стесняюсь.

— Одевайся и выметайся.

— Жарко.

Он прошёл мимо неё на кухню. Босиком. В одних спортивных штанах, низко сидящих на бёдрах. Кира шла следом, потому что если бы осталась в коридоре, это было бы бегством.

Марк открыл шкаф, нашёл её кружку — белую, с трещинкой у ручки, ту, которую она никому не давала, — и налил себе воды из графина. Пил долго, горло двигалось, капля сорвалась с нижней губы на грудь и поползла вниз, к резинке штанов. Он не вытер.

— Твоя? — спросил он, поднимая кружку. — Теперь моя. Пока живу здесь.

— Ты не живёшь здесь.

— Ключи. Сумка. Комната. По-моему, живу.

Кира выхватила кружку. Пальцы столкнулись с его пальцами — горячими, жёсткими. Он не разжал руку сразу. Секунда, другая. Её запястье оказалось в его ладони, не больно, но так, что она почувствовала силу, которой хватило бы сломать хват, если бы он захотел. Он не захотел. Он просто держал и смотрел, как у неё расширяются зрачки.

— Отпусти.

— Скажи это тише. Когда орёшь, дрожишь.

— Я не дрожу.

Он отпустил. Кружка осталась у неё. На фарфоре был жар его ладони.

— Орёшь, — повторил Марк спокойно. — И краснеешь вот здесь.

Костяшкой пальца он почти коснулся её шеи, там, где билась жилка. Почти. Воздух между кожей и кожей стал узким, жарким, неприличным. Кира отшатнулась и ударилась бедром о край стола.

— Ещё раз протянешь руку — я вызову полицию.

— И скажешь, что друг твоего брата посмел выпить воды? Он просил присмотреть за квартирой. И за тобой. Я присматриваю.

— Я не вещь, которую оставляют с ключами.

— Нет, — сказал он. Голос сел ниже. — Вещь не смотрит на меня так, будто хочет, чтобы я прижал её к этому столу и заткнул рот не словами.

В кухне стало тесно.

Кира слышала собственное дыхание. Слишком громкое. Между ног было влажно — внезапно, зло, без разрешения. Она ненавидела его за то, что он это понял раньше, чем она успела спрятать лицо.

— Ты охерел.

— Да.

Он шагнул ближе. Она упёрлась поясницей в столешницу. Отступать было некуда, и он это знал. Ладони легли на стол по обе стороны от её бёдер. Не на неё. Рядом. Клетка из рук, запаха и голого торса, который оказался в сантиметре от её майки.

— Выметайся, — сказала она. Голос сорвался на последнем слоге.

— Заставь.

Его колено коснулось её колена. Штаны — её голой кожи. Тепло пошло вверх так быстро, что она стиснула зубы. Если бы он сдвинул ногу ещё на ладонь, он почувствовал бы, какая она мокрая под тонким хлопком. От этой мысли соски затвердели, и майка выдала её без жалости.

Марк опустил взгляд. Медленно. Усмешка стала злее и тише.

— Вот поэтому я никуда не уйду. Ты орёшь «вон», а тело уже просит, чтобы я остался и проверил, насколько ты правильная, когда тебе задерут шорты.

— Не трогай меня.

— Не трогаю.

Это было правдой и издевательством. Он не клал на неё рук. Он просто стоял так близко, что жар его живота грел её через ткань, а дыхание попадало в губы. Кира чувствовала, как твердеет у него в штанах — туго, явно, напротив её живота. Он не прятал. Не извинялся. Давал ей это знать.

Она толкнула его в грудь.

Ладони ушли в горячую кожу, в жёсткую мышцу. Он не сдвинулся. Под пальцами ударило его сердце — ровно, нагло, совсем не так испуганно, как её собственное. Кира толкнула ещё раз, сильнее. Марк поймал её запястья и прижал их к столу по бокам. Не больно. Крепко. Так, что она выгнулась, и грудь почти коснулась его груди.

— Пусти.

— Скажи, что не хочешь.

Она открыла рот. Слова были. Они должны были быть. Вместо них вырвался короткий, злой выдох, когда он чуть подался вперёд и твёрдое в его штанах проехалось по её животу.

Между ног дёрнуло так остро, что она едва не подалась навстречу.

Марк это увидел. Глаза потемнели.

— Вот так, — сказал он почти шёпотом. — Молчишь, когда правда. Орёшь, когда врёшь.

— Я тебя ненавижу.

— Ненавидь. Только бёдра не раздвигай, пока врёшь.

Она и не раздвигала. Почти. Колени сами разошлись на ширину его ноги, и она сжала их обратно так резко, что он усмехнулся ей в губы — не целуя. До поцелуя оставался один вдох. Она чувствовала вкус его дыхания: вода, мята, что-то опасное.

— Отпусти, — повторила она. На этот раз ровно. — Сейчас.

Он держал ещё секунду. Потом разжал пальцы, отступил на шаг. Между ними снова стал воздух, и этот воздух обжёг хуже его кожи.

Марк взял со стола её кружку, допил воду и поставил её на место. Криво.

— Комната брата — моя. Кухня общая. В душ я хожу, когда хочу. Если тебе надо, чтобы я стучал, напиши правила. Я их прочитаю. Может, даже одно оставлю.

— Ты не будешь здесь жить.

— Уже живу, Кира.

Он произнёс её имя так, будто пробовал на язык. Будто уже представлял, как оно звучит, когда она не сможет говорить ровно.

В дверях кухни он остановился, не оборачиваясь.

— И запрись сегодня. Не потому, что я войду. Потому что если оставишь дверь открытой, ты сама потом не сможешь сделать вид, что это я виноват.

Он ушёл в комнату брата. Дверь не закрыл до конца.

Кира стояла у стола, пока не перестали дрожать колени. Ладони горели там, где он их держал. Между ног было мокро, зло, невыносимо. Она хотела пойти за ним и вышвырнуть сумку на лестницу. Хотела запереться и забыть. Хотела сунуть руку в шорты и кончить быстро, ненавидя его имя, которое уже стояло в горле.

Она не сделала ничего из этого.

Вылила воду из кружки. Вымыла её дважды, будто с фарфора можно смыть чужие пальцы. Потом выключила свет на кухне и пошла к себе.

В конце коридора из комнаты брата падала полоска света. Марк стоял к ней спиной, уже без штанов, в чёрных боксерах, и разбирал сумку. Ткань обтягивала зад, бёдра, то, что она уже чувствовала животом. Он знал, что она смотрит. Не обернулся. Только сказал, не повышая голоса:

— Дверь закрой с той стороны, правильная. Или войди и перестань врать.

Кира захлопнула свою.

Замок щёлкнул слишком громко.

Она прижалась спиной к двери, задрала майку, сунула ладонь в шорты и нашла себя сразу — горячую, скользкую, раскрытую от одного его «войди». Два пальца вошли легко. Она закусила запястье, чтобы не стонать вслух, и кончила быстро, зло, стоя, представляя не нежность, а его руку на своём горле и стол, в который упиралась поясница.

За стеной скрипнула кровать.

Кира замерла, пальцы ещё внутри, дыхание рваное.

Потом вытащила руку, вытерла её о майку и прошептала в темноту то, чего он не должен был слышать:

— Утром ты уйдёшь.

В соседней комнате Марк тихо рассмеялся.

Он слышал.

Глава 2. Правила дома

Утро Кира начала с бумаги.

Не с кофе. Не с душа. С листа, который она приколола к холодильнику так, будто это был не быт, а приговор.

Правила.

Не ходить по квартире раздетым.

Не трогать её стол, чертежи и кружку.

Не приводить людей.

Стучать, прежде чем войти в любую дверь.

Съехать. Срок — до вечера.

Последний пункт она дописала уже после того, как услышала воду в душе. Рука дрогнула. Чернила чуть поплыли на «съехать».

Марк вышел через десять минут.

Полотенце на бёдрах. Вода на ключицах. Волосы мокрые, прилипшие ко лбу. Он остановился у холодильника, прочитал список молча и только потом повернул голову.

Взгляд был холодный. И от этого горячее.

Не улыбка. Не насмешка вчерашнего вечера. Что-то ровное, тяжёлое, будто он уже решил, чем кончится этот лист, и просто давал ей время догнать.

Кира стояла у стола в рубашке на голое тело. Пуговицы застёгнуты до горла. Колени вместе. Подбородок поднят.

— Читай вслух, — сказала она. — Чтобы потом не говорил, что не видел.

Марк сорвал лист.

— Не ходить раздетым.

Он посмотрел на своё полотенце. Потом на неё. Медленно провёл пальцем по первой строке и перечеркнул её ручкой, которая лежала на столе. Её ручкой.

— В своей квартире хожу как хочу. Вчера ты уже смотрела. Сегодня тоже смотришь.

— Я не…

— Смотришь, — повторил он спокойно. — На грудь. На полотенце. На то, что под ним уже не спит, потому что ты стоишь вот так и делаешь вид, что тебя держит бумага.

Кира сжала губы. Зубы прихватили нижнюю. Она не заметила. Он заметил.

Взгляд скользнул к её рту и остался там на секунду дольше, чем нужно для ссоры. Холодный. Тяжёлый. Такой, от которого между ног снова стало тесно и мокро, хотя он даже не шагнул ближе.

— Не трогать стол, — прочитал Марк.

Ручка легла на её чертёж. Не на линии. Рядом. Достаточно, чтобы нарушить.

— Трогаю. Дальше.

— Не приводить людей.

— Некого приводить. Мне хватает одной, которая орёт с утра и кусает губу, когда злится.

Кира отпустила губу слишком поздно. Щёки вспыхнули. Злость ударила в виски — и под ней, противнее злости, шевельнулось что-то тёплое. Ей нравилось. Не он. Эта злость. То, как она собирала тело в одну горячую точку и не давала думать.

— Стучать, — сказал Марк и перечеркнул пункт, даже не дочитав. — Если дверь закрыта, я не вхожу. Если открыта — сама виновата. Вчера я предупредил.

— Ты не имеешь права…

— Съехать до вечера.

Он перечеркнул последнюю строку дважды. Бумага треснула.

— Нет.

Кира выхватила лист. Он не отдал сразу. Пальцы снова столкнулись, и на миг её запястье оказалось в его руке — то же место, что вчера, уже с синяком-памятью под кожей, невидимым, но горячим. Марк отпустил сам. Подошёл к плите, налил себе кофе в её кружку и сел на край стола. Полотенце разошлось на бедре. Она увидела дорожку тёмных волос ниже живота и резко отвернулась.

— Убери ноги с моего стула.

— Это не ноги. Это территория.

— Это моя кухня.

— Уже нет.

Он пил и смотрел. Не раздевал взглядом напоказ. Хуже. Смотрел так, будто уже знал, какая она на ощупь под рубашкой, и просто ждал, когда она сама это подтвердит.

Кира собрала лист, порвала его пополам и выбросила в ведро.

— Новые правила. Устные. Не входи в мою комнату. Не разговаривай со мной. Не смотри.

— Три раза «не». Красиво врёшь.

— Пошёл к чёрту.

Она ушла к себе и повернула ключ. Щелчок замка прозвучал в тихой квартире слишком громко.

За дверью Марк сказал негромко, почти лениво:

— Правило номер четыре ты забыла перечеркнуть сама. Я не вхожу. Но дверь с моей стороны будет открыта. Если захочешь посмотреть, как я соблюдаю твой список, — смотри.

Кира прижалась лбом к дереву.

Сердце колотилось в горле. Злость не остывала. Она грела низ живота, бёдра, место, которое со вчерашнего вечера не успокаивалось до конца. Она ненавидела, что ей это нравится. Немного. Достаточно, чтобы рука сама легла на живот и поползла вниз.

Рубашка задралась. Трусиков не было — она не успела одеться как человек, только как броня. Пальцы нашли себя сразу. Горячо. Скользко. Зло.

Она не легла. Стояла у двери, как вчера, и тёрла быстро, грубо, без ласки. Два пальца внутрь, ладонь на клиторе, ритм рваный, как ругань, которую она не произносила вслух. Перед глазами был не романтический бред. Его полотенце. Его рука на её запястье. То, как он сказал «смотришь» — и был прав.

Она кончила быстро. Стиснув зубы, ударив затылком о дверь, с коротким злым всхлипом, который тут же проглотила. Бёдра дрогнули. Пальцы вышли мокрые. В комнате сразу стало пахнуть ею — тепло, солоно, неприлично явно.

Кира вытерла руку о простыню, легла лицом в подушку и прошептала:

— Это не из-за него.

За стеной скрипнула кровать брата.

Марк не закрыл дверь.

Он лежал на спине, полотенце сброшено на пол, и слушал. Тонкий звук — не стон, хуже: сдавленный выдох и глухой удар затылка о дерево. Он узнал его. Вчера ночью было то же самое, только тише.

Член уже стоял, тяжёлый, горячий на животе. Марк обхватил его не спеша. Не чтобы кончить сразу. Чтобы растянуть мысль, которая заводила сильнее ладони.

Она за стеной. Злая. Мокрая. Только что кончила и врёт себе.

А если выйдет в коридор и увидит.

Дверь открыта. Свет не выключен. С кровати коридор просматривался узкой полосой. Если она выглянет — увидит его руку, бёдра, то, как он дрочит, думая о ней. Не прячась. Не стыдясь. Специально.

От этой картинки хватка стала жестче.

Он провёл ладонью вверх, размазал влагу с головки, и представил её в дверном проёме: рубашка на голое тело, губа снова прикушена, глаза злые и тёмные. Представил, что она не отворачивается. Что стоит и смотрит, как он кончает ей назло, на свой живот, не закрывая дверь.

— Выходи, — сказал он негромко. Не уверенный, что она слышит. Почти уверенный, что слышит. — Или продолжай там. Я всё равно знаю.

В её комнате было тихо. Потом — шорох. Шаг. И снова тишина у самой двери.

Марк усмехнулся и ускорился.

Он не стонал. Дышал через зубы, глядя на открытую дверь. Хотел, чтобы ручка дёрнулась. Хотел её взгляд на своём члене, на руке, на том, как сильно его заводит именно она, а не чужое порно в телефоне, который так и лежал экраном вниз.

Кира стояла с другой стороны.

Она не открыла. Пальцы лежали на ручке и не поворачивали. Сквозь щель под дверью падала полоска света из его комнаты. Она слышала ритм. Кожа о кожу. Его дыхание. Редкое, низкое «блять», когда он, видимо, провёл большим пальцем по головке.

Ей следовало отойти.

Она сунула руку между ног во второй раз.

Быстрее, чем в первый. Злее. Слушая его. Представляя открытую дверь и то, что он делает это нарочно, чтобы она услышала. Чтобы вышла. Чтобы увидела.

Они кончили почти вместе, разделённые дверью и двумя метрами коридора.

Кира — закусив предплечье, колени подогнулись, она сползла по двери и осталась на полу, пальцы ещё подрагивали внутри. Запах в комнате стал гуще. Стыдный. Сладкий. Неотмываемый одним проветриванием.

Марк — глядя на пустой проём. Сперма легла на живот горячими полосами. Он не вытерся сразу. Лежал и слушал, как за её дверью тихо, слишком тихо для человека, которому всё равно.

— Видела бы, — сказал он в потолок. — В следующий раз не прячься.

К ночи квартира раскололась.

Её дверь закрыта на ключ. Его — настежь. На холодильнике не было списка: она не стала писать новый. Кухня пахла его кофе и её моющим средством, которым она дважды протёрла стол, будто с дерева можно снять чужой взгляд. В ванной два полотенца висели на разных крючках, не касаясь друг друга.

Две комнаты. Две враждующие зоны.

В одной пахло её злостью и быстрым, украденным оргазмом.

В другой — им. Кожей, спермой, открытой дверью.

Кира лежала в темноте и слушала, как он не спит. Марк лежал при свете и не закрывал дверь.

Никто не пересёк коридор.

Обоим этого хотелось так сильно, что тишина между комнатами звенела, как натянутая струна.

Глава 3. Завтрак без рубашки

Кира вышла на кухню рано, чтобы успеть до него.

Кофе. Рубашка застёгнута. Волосы собраны так туго, что тянуло виски. Она села спиной к коридору и смотрела в чашку, будто от этого зависело, останется ли утро обыкновенным.

Вода в душе стихла в восемь.

Полотенце она услышала раньше, чем шаги: мокрый хлопок по бедру, босые ступни по линолеуму. Марк остановился в дверях кухни. Она не обернулась. Видела его краем глаза — полотенце низко на бёдрах, вода на груди, ключи в пальцах, хотя ключи ему здесь были не нужны. Он просто держал их. Чтобы звенели.

— Доброе, — сказал он.

— Оденься.

— Пью кофе.

— В полотенце ты не пьёшь кофе в моей кухне.

— В своей квартире можно.

Он прошёл мимо. Запах мыла и горячей кожи задел её плечо. Кира подняла чашку и сделала глоток, который обожёг язык. Не отставила. Пусть жжёт. Так проще не смотреть.

Марк остановился напротив. Слишком близко к столу. Полотенце было на уровне её глаз, если бы она подняла взгляд от кофе. Она не подняла.

— Уйди.

— Смотри.

Пальцы разжали узел.

Полотенце упало ей на колени — тяжёлое, влажное, ещё тёплое от его тела — и соскользнуло на пол между её стулом и его ногами.

Кира увидела всё.

Не успела отвести глаза. Не успела даже решить, что не будет смотреть. Он стоял прямо перед ней, голый, ещё влажный после душа, и не прикрывался. Член был не полностью мягким. Тяжёлый, крупный, чуть приподнятый, с тёмной головкой и веной, которая проступала вдоль ствола, когда он дышал. Ниже — густые волосы, бёдра, всё то, что вчера она только угадывала под тканью и чего ей хватило, чтобы кончить дважды за закрытой дверью.

Взгляд задержался. На секунду. На две. На три, которых у правильной девочки быть не должно.

Марк не усмехнулся сразу. Он дал ей досмотреть. Потом сел на стул напротив — голый, колени чуть разведены, одна рука на столе, вторая свободно легла на бедро. Не на себя. Рядом. Хуже, чем если бы трогал.

— Кофе остынет, — сказал он.

Кира наконец вскинула глаза к его лицу. Поздно. Он уже видел, куда она смотрела и как долго.

— Ты больной.

— Ты считала.

— Я не считала.

— Три секунды. Может, четыре. Для приличий хватило бы одной и визга. Визга не было.

Щёки горели. Между ног стало мокро так быстро, что она свела колени под столом и возненавидела тонкую ткань домашних шорт. Полотенце лежало у её ступни. Она не подняла его. Поднять — значило наклониться к его ногам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.